

Хемингуэй

РАЙСКИЙ САД

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Весной они жили в Ле-Гро-дю-Руа, и гостиница стояла на канале, протянувшемся от окруженного крепостной стеной городка Эг-Морт до самого моря. За болотистой долиной Камарг можно было видеть башни Эг-Морта, и почти каждый день в разное время они отправлялись туда на велосипедах по белой, идущей вдоль канала дороге. Утром и по вечерам, во время прилива, когда к берегу подходили морские окуни, они смотрели, как прыгала, спасаясь от окуней, кефаль и как вспучивалась поверхность воды, когда окуни нападали.

От берега в синее спокойное море вклинивался мол, и они удили с него рыбу, плавали и помогали рыбакам вытаскивать на покатый берег длинную сеть. В угловом кафе с видом на море, сидя за аперитивом, они смотрели на рыбацкие парусники, промышлявшие макрель в Лионском заливе. Стояла поздняя весна, сезон ловли макрели заканчивался, и рыбаки очень спешили. Городок был приветливый и дружелюбный, и молодой паре нравился их отель, в котором было всего четыре комнаты наверху, ресторанчик и бильярдная с видом на канал и маяк. Их комната напоминала рисунок, сделанный Ван Гогом в его доме в Арле, если не считать двуспальной кровати и двух больших окон, из которых были видны канал и

болота, прибрежные луга, белокаменный городок и светлая полоса пляжа.

Они всегда были голодны, хотя ели хорошо. С нетерпением ждали завтрака в кафе, где заказывали brioche, cafe au lait, 1 яйца и еще варенье по выбору, и им очень нравилось, что яйца готовили всякий раз по-новому. По утрам им так хотелось есть, что у женщины в ожидании завтрака начинала болеть голова. Но после кофе боль проходила. Женщина пила кофе без сахара, и молодой человек старался это запомнить.

В то утро на завтрак они заказали brioche, красное малиновое варенье, яйца с кружочками масла, которое таяло, когда они подсаливали и посыпали их молотым перцем. Яйца были крупные и свежие, и женщина заказала себе всмятку. Он запомнил это без труда и с удовольствием ел яйцо, лишь чуть-чуть добавляя ложечкой масло, стараясь сохранить в памяти ощущение свежести раннего утра, вкус грубо помолотых зерен перца и горячего черного кофе и легкий аромат цикория в cafe au lait.

Рыбачьи суденышки были далеко в море. Они вышли в темноте с предрассветным бризом, и молодой человек и женщина, услышав их, проснулись, крепче прижались друг к другу под простыней и снова заснули. На рассвете, еще полусонные, они любили друг друга. В комнате было темно, и они лежали вместе, счастливые, утомленные, а потом снова любили друг друга. Под утро они так проголодались, что едва дождались, когда откроют кафе, и теперь не спеша завтракали, любуясь морем и белыми парусами. Начался новый день.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– Ни о чем.

– Должен же ты о чем-нибудь думать.

– Я не думаю, я просто чувствую.

– Что?

– Счастье.

– А я – голод, – сказала она. – Как, по-твоему, это нормально? Ты тоже хочешь есть после любви?

- Если любишь по-настоящему.
- Ты слишком опытен.
- Нет.
- Не важно. Я люблю, и нам не о чем беспокоиться, правда?
- Не о чем.
- Что будем делать?
- Не знаю, – сказал он. – Чего тебе хочется?
- Все равно. Если ты пойдешь ловить рыбу, я напишу письмо, а может, и два, а потом мы могли бы поплавать перед обедом.
- Чтобы проголодаться?
- Ни слова о еде. Я снова хочу есть, а мы даже завтрак не закончили.
- Но позаботиться об обеде мы можем.
- А после обеда?
- Вздремнем, как подобает хорошим детям.
- Удивительно свежая мысль, – сказала она. – И как нам это раньше не приходило в голову?
- Время от времени меня осеняет, – сказал он. – Я очень изобретателен.
- А я – вредная, – сказала она. – Я тебя доконаю. И у двери нашей комнаты повесят мемориальную доску. Проснусь среди ночи и сотворю с тобой что-нибудь невероятное. Я бы сделала это еще вчера, но очень хотелось спать.
- Ты – большая соня и совсем неопасна.
- Не обольщайся. Ой, милый, давай поторопим время, и пусть побыстрее будет обед.

На них были полосатые рыбацкие блузы и шорты, купленные в магазине рыболовных принадлежностей, они сильно загорели, а пряди волос посветлели от солнца и морской воды. Окружающие принимали их за брата и сестру, пока они сами не сказали всем, что женаты. Им часто не верили, и женщине это нравилось.

В те годы очень немногие приезжали на средиземноморское побережье летом, а в Ле-Гро-дю-Руа вообще не было приезжих, если не считать нескольких отдыхающих из Нима. Здесь не было ни казино, ни прочих развлечений, и только в самые жаркие месяцы в гостинице останавливались любители морского купания. В те годы мало кто носил рыбацкие блузы, и его жена была первой женщиной, отважившейся на это. Она сама выбирала их и, чтобы они стали мягче, выстирала в тазу. Это была рабочая одежда рыбаков, но после стирки ткань действительно стала мягче и красиво облегла ее грудь.

В городке также не принято было носить шорты, и, когда они отправлялись туда на велосипедах, ей приходилось надевать что-нибудь другое. Жители поселка были очень приветливы и не обращали на них внимания, и только местный священник не одобрял ее наряд. Но на воскресную мессу она надевала юбку и кашемировый свитер с длинными рукавами, а голову повязывала шарфом. В церкви молодой человек стоял позади вместе со всеми мужчинами. Они всегда жертвовали двадцать франков, что по тем временам было больше доллара, а поскольку священник принимал пожертвования сам, то это было должным образом оценено, и шорты стали объяснять эксцентричностью иностранцев и не считали посягательством на моральные устои жителей побережья Камарг. Когда они надевали шорты, священник старался не замечать их, но вечерами они носили брюки, и тогда при встрече все трое почтительно раскланивались.

– Я поднимусь к себе писать письма, – сказала женщина. Она встала, улыбнулась официанту и вышла из кафе.

– Месье собирается на рыбалку? – спросил официант, когда Дэвид Берн, так звали молодого человека, окликнул его, чтобы расплатиться.

– Пожалуй. Какой сегодня прилив?

– Прилив отменный, – сказал официант. – Если хотите, я дам вам наживу.

– Я раздобуду по дороге.

– Нет. Возьмите мою. Это песчаные черви, и у меня их много.

– Пойдете со мной?

– Я на работе. Попозже выйду взглянуть, как у вас получается. Снасти-то у вас есть?

– В гостинице.

– Не забудьте зайти за червями.

Молодой человек хотел было подняться в комнату к жене, но его длинная складная удочка из бамбука и корзина со снастями оказались внизу за стойкой, где висели ключи, и он, не заходя к себе, вышел на залитую солнцем улицу, спустился к кафе и пошел на мол к ослепительно сверкавшей воде. Солнце было жарким, но с моря дул свежий бриз. Начался отлив. Он пожалел, что не захватил спиннинг и блесну, чтобы забросить приманку наперерез течению, за валуны у противоположного берега. Он забросил удочку с пробковым поплавком, и песчаный червяк свободно плавал на той глубине, где должна была клевать рыба.

Какое-то время ему не везло, и он удил, поглядывая на маневрировавшие в поисках макрели рыбацьи лодки и плывшие по воде тени от облаков. Но вот поплавок резко нырнул, леса сильно натянулась, и он потянул удочку на себя, ощутив отчаянное сопротивление рыбы, и леса напряженно зашипела в воде. Он старался держать удочку как можно свободнее, и длинное удище согнулось так, что, казалось, вот-вот переломится, пока он вел рыбу, рвавшуюся в открытое море. Чтобы ослабить натяжение, молодой человек попытался идти по молу вслед за рыбой, но она продолжала рваться с такой силой, что удище на четверть длины ушло под воду.

Подоспел официант из кафе. Он шел рядом и возбужденно приговаривал:

– Держи ее, держи. Веди осторожно. Она должна устать. Не дай ей сорваться. Веди нежно. Нежнее. Нежнее!

Нежнее не получалось. Оставалось разве что спрыгнуть в воду, но канал был слишком глубокий, и это не имело смысла. «Если бы можно было идти

за ней вдоль берега», – подумал он. Но мол кончился, и удилище ушло под воду почти наполовину.

– Только не дергай, – умолял официант. – Удилище выдержит.

Рыба то резко уходила вглубь, то рвалась вперед, то металась из стороны в сторону, и длинный бамбуковый шест гнулся под тяжестью ее рывков. Время от времени рыба с всплеском показывалась на поверхности, потом снова скрывалась, и молодой человек чувствовал, что, хотя она еще сильна, ее трагически неистовый напор слабеет и теперь можно вести ее вокруг мола и вверх по каналу.

– Веди мягко, – говорил официант. – О, еще мягче. Нежнее, ради всего святого.

Дважды еще рыба пыталась уйти в море, и оба раза он возвращал ее, а потом повел вдоль мола в сторону кафе:

– Как она там? – спросил официант.

– Еще держится, но мы победили.

– Не говори так, – сказал официант. – Ничего не говори. Мы должны измотать ее. Пусть устанет. Устанет.

– Пока что устала моя рука, – сказал молодой человек.

– Хочешь, я поведу? – с надеждой спросил официант.

– Ну уж нет.

– Только не спеши, не спеши. Нежно, нежненько, нежненько, – повторял официант.

Молодой человек провел рыбу вдоль террасы кафе в устье канала. Рыба плыла почти по поверхности воды, но сил у нее было еще много, и он опасался, что им придется вести ее по каналу через весь город. На берегу уже собралась толпа, и, когда они шли вдоль гостиницы, жена, увидев их из окна, закричала:

– Ой, какая великолепная рыбина! Подождите меня! Подождите!

Сверху она отчетливо видела у самой поверхности воды длинную искрящуюся рыбу, мужа с согнутой почти пополам бамбуковой удочкой и толпу следовавших за ними людей. Пока она спустилась к каналу и догнала толпу, все уже остановилось. Официант стоял в воде, а муж медленно подтягивал рыбу к берегу, туда, где темнели водоросли. Рыба скользила по поверхности, и официант, нагнувшись, обхватил ее с двух сторон руками, подцепил большими пальцами под жабры и вместе с ней медленно пошел к берегу. Рыба была тяжелая, и официант держал ее высоко на уровне груди, так что голова рыбы касалась его подбородка, а хвост хлестал по бедрам.

Несколько рыбаков похлопывали молодого человека по спине, обнимали, какая-то женщина с рыбного базара подошла и поцеловала его. Жена обняла его и тоже поцеловала, а он спросил:

– Ты видела, какая она?

Потом они подошли взглянуть на лежавшую у обочины дороги серебристую, похожую на лосося рыбину, и спина ее отливала темным блеском, как ружейный ствол. Это была красивая, крепкая рыба с большими, не погасшими еще глазами, и дышала она медленно и прерывисто.

– Что это за рыба? – спросила жена.

– Loup, [2](#) – сказал он. – Морской окунь. Их еще называют баг. Отличная рыба. Такая крупная мне еще не попадалась.

Официант, которого звали Андре, подошел, обнял Дэвида и поцеловал его и жену.

– Вот так, мадам, – сказал он. – Поверьте, он заслужил. Никому еще не удавалось поймать такую рыбу простой удочкой.

– Давай ее взвесим, – сказал Дэвид.

Они вернулись в кафе. Рыбу взвесили, и молодой человек убрал снасти и умылся. Рыба лежала на глыбе льда, который привозили в грузовике из Нима для замораживания макрели. Она весила больше пятнадцати фунтов.

На льду рыба выглядела по-прежнему серебристой и красивой, глаза ее еще не потухли, и только спина стала тускло-серого цвета. Рыбачьи суденышки возвращались в гавань, и женщины наваливали в корзины искрящуюся голубую, зеленую, серебристую макрель и несли тяжелые корзины на голове к зданию рыбзавода. Улов был очень хороший, и городок ожил и повеселел.

– Что будем делать с нашей рыбой? – спросила жена.

– Ее отвезут в город и продадут, – сказал молодой человек. – Она слишком большая, чтобы готовить ее на этой кухне, а рубить такую рыбину на куски жалко. Возможно, ее доставят прямо в Париж, и она закончит свой путь в роскошном ресторане. Или ее купит какой-нибудь богач.

– Она была такой красивой в воде. Особенно когда Андре поднял ее. Я не поверила своим глазам, когда увидела из окна ее, тебя и эту толпу.

– Мы поймаем себе на обед окунька поменьше. Они очень вкусные. Их запекают в масле с пряными травами. На вкус они напоминают наших полосатых окуней.

– Интересно, что с ней будет? Как хорошо и просто мы живем!

Они едва дождались обеда. Им принесли бутылку холодного белого вина, которым они запивали острый соус из сельдерея, мелкую редиску и маринованные по-домашнему грибы, поданные в большом стеклянном салатнике. Окуня зажарили на рашпере, и следы от металла краснели на серебристой коже, а кусочки мяса таяли на горячей тарелке. К рыбе подали нарезанный лимон и свежий хлеб из пекарни, а вино охладило обожженные горячим картофелем кончики языков. Вино, неизвестной им марки, было отличное – легкое, сухое, бодрящее, и хозяева ресторанчика очень гордились им.

– Мы не слишком-то разговорчивы за едой, – сказала жена. – Тебе скучно со мной, милый?

Молодой человек рассмеялся.

– Не смейся надо мной, Дэвид.

– И не думал. Мне вовсе не скучно. Я буду счастлив с тобой, даже если ты не проронишь ни единого словечка.

Он налил ей еще вина и наполнил свой стакан.

– У меня для тебя есть сюрприз. Я тебе еще не рассказала? – спросила она.

– Сюрприз?

– Так, пустяк, но сразу не объяснишь.

– Скажи мне.

– Нет. А вдруг он тебе не понравится?

– Звучит угрожающе.

– Так и есть, – сказала она. – Только ни о чем не спрашивай. Я поднимусь к себе, если ты не против.

Молодой человек заплатил за обед, допил оставшееся вино и пошел наверх. Одежда жены лежала на одном из вангоговских стульев, а сама она ждала его в постели, накрывшись простыней. Волосы ее рассыпались по подушке, а глаза смеялись. Он отбросил простыню, и она сказала:

– Привет, милый. Ты хорошо пообедал?

Позже, счастливые, утомленные, они лежали рядом, ее голова – на его руке, и, когда она поворачивала голову, волосы ласкали его щеку. Волосы у нее были шелковистые, но море и солнце сделали их чуть-чуть жесткими.

Она тряхнула головой так, что волосы закрыли лицо; повернулась к нему и сказала:

– Ты меня любишь, да?

Он кивнул и поцеловал ее в темя, а потом привлек к себе и поцеловал в губы.

Потом они отдыхали, крепко обняв друг друга, и она спросила:

– Ты любишь меня такой, какая я есть? Ты уверен?

– Да, – сказал он. – Даже очень.

– А я хочу стать другой.

– Нет, – сказал он. – Нет. Другой не надо.

– А я хочу, – сказала она. – Это нужно тебе. По правде говоря, мне тоже. Но тебе наверняка. Я в этом уверена, но пока ничего не скажу.

– Я люблю сюрпризы, но мне нравится все, как есть.

– Тогда, наверное, мне не следует этого делать, – сказала она. – А жаль. Был бы такой чудесный сюрприз. Я думала о нем давно, но до сегодняшнего утра не могла решиться.

– Очень хочется?

– Да, – сказала она. – И я это сделаю. Тебе же нравилось все, что мы делали до сих пор?

– Нравилось.

– Вот и хорошо.

Она соскользнула с постели и встала. Ноги у нее были длинные и коричневые. На дальнем пляже они плавали без купальных костюмов, и все тело ее покрыл ровный загар. Она выпрямила плечи, подняла подбородок, потрянула головой, и густые рыжевато-коричневые волосы хлестнули ее по щекам. Потом наклонилась вперед, так что волосы закрыли лицо. Натянув через голову полосатую блузу, она села в кресло у туалетного столика, откинула волосы с лица, зачесала их назад и стала критически разглядывать себя в зеркале. Волосы снова рассыпались по плечам. Глядя в зеркало, она покачала головой. Потом натянула брюки, подпоясалась и надела выцветшие голубые туфли на веревочной подошве.

– Мне нужно в Эг-Морт, – сказала она.

– Отлично, – сказал он. – Я тоже поеду.

– Нет. Я должна поехать одна. Речь идет о сюрпризе.

Она поцеловала его на прощание, спустилась вниз, и он видел, как она села на велосипед и легко и плавно покатила вверх по дороге и волосы ее развевались на ветру.

Полуденное солнце светило прямо в окно, и в комнате стало жарко. Молодой человек умылся, оделся и пошел на берег. Надо было бы искупаться, но он слишком устал и, пройдясь немного по пляжу и ведущей от берега, протоптанной в солончаковой траве тропинке, вернулся той же дорогой в порт и поднялся по крутому берегу к кафе. Там его ждала газета, и он заказал *fine a l'eau*.³

Прошло три недели, как они поженились и отправились поездом из Парижа в Авиньон с велосипедами, чемоданом нарядов, рюкзаком и вещевым мешком. В Авиньоне они жили в дорогом отеле, потом, бросив там чемодан, решили поехать на велосипедах к Пон-дю-Гар. Но подул мистраль, они повернули с попутным ветром в сторону Нима и там остановились в отеле «Император», а затем, гонимые все тем же ветром, поехали в сторону побережья в Эг-Морт и уже оттуда в Ле-Гро-дю-Руа и с того дня жили здесь.

Это было чудесное время, и они были по-настоящему счастливы. Раньше он даже не подозревал, что можно любить так сильно, что все остальное становится безразличным, просто не существует. Когда он женился, у него было много проблем, но здесь он совершенно забыл о них и не думал ни о работе, ни о чем другом, кроме этой женщины, которую любил, на которой был женат и с которой никогда не испытывал той отрезвляющей, невыносимой ясности мысли, какая бывает сразу после близости. Ничего подобного не было. Теперь они любили друг друга, ели и пили, а потом снова любили друг друга. Это был очень незатейливый мирок, но другого счастья он по-настоящему никогда не знал. Он надеялся, что и ей так же хорошо, по крайней мере внешне он ничего не замечал, и вот сегодня вдруг этот разговор о какой-то перемене, каком-то сюрпризе. Но возможно, перемена будет к лучшему, а сюрприз удачным. Читая местную газету, он потягивал бренди, и постепенно предстоящие перемены перестали его беспокоить.

Сегодня он впервые за время свадебного путешествия заказал себе крепкие

напитки в ее отсутствие. Впрочем, сейчас он не работал, а по его правилам пить нельзя было только до или во время работы. Хорошо было бы снова начать писать, но это время придет очень скоро, и нужно постараться не быть эгоистом и сделать так, чтобы было очевидно, как сожалеет он о своем вынужденном затворничестве, оставляя ее одну. Конечно же, она отнесется к этому спокойно, ей тоже есть чем заняться, но все же нехорошо думать о работе теперь, когда они так опьянены друг другом. Правда, для работы нужна ясная голова. Интересно, подумал он, не догадывается ли она об этом и не потому ли стремится к чему-то новому, чего еще не было между ними и что невозможно разорвать. Но что это может быть? Невозможно привязаться друг к другу сильнее, чем теперь, когда даже после близости между ними нет фальши. Только счастье и любовь, а потом голод, пополнение сил и снова любовь.

Он и не заметил, как выпил *fine a l'eau* до дна и время перевалило за полдень. Он заказал еще порцию и попробовал углубиться в чтение. Но газета его не занимала, как прежде, и он стал смотреть на море, залитое тяжелым полуденным солнцем, как вдруг услышал ее шаги и гортанный голос:

– Привет, милый!

Она быстро подошла к столу, села напротив, вздернула подбородок и посмотрела на него смеющимися глазами. Кожа у нее на лице была золотистого цвета, с еле заметными веснушками. Она коротко, «под мальчика», подстригла волосы. Их безжалостно срезали. Они были густые, как и прежде, но гладко зачесаны назад и по бокам совсем короткие, так что стали видны уши. Старательно приглаженные рыжевато-коричневые волосы точно повторяли контур головы. Она повернулась к нему, выпрямилась и сказала:

– Поцелуй меня, пожалуйста.

Он поцеловал ее, посмотрел в лицо, на волосы и поцеловал еще раз.

– Тебе нравится? Попробуй, как гладко. Вот здесь, на затылке.

Он провел рукой по затылку.

– Попробуй у виска, около уха. Проведи пальцами по вискам. Вот, – сказала

она. – Это и есть сюрприз. Я – девочка. Но теперь я как мальчишка и могу делать все, что мне вздумается, все, все, все!

– Сядь ко мне, – сказал он. – Что будешь пить, братишка?

– Что ж, спасибо, – сказала она. – Я выпью то же, что и ты. Теперь понял, чем грозит тебе мой сюрприз?

– Догадываюсь.

– Разве я не молодец, что решилась на такое?

– Может быть.

– Нет. Не может быть. Я долго думала. Я все хорошенько обдумала. Почему мы должны жить по чьим-то правилам? Мы – это мы.

– И так было хорошо, и никто не докучал нам никакими правилами.

– Пожалуйста, проведи рукой еще разок.

Он погладил ее и поцеловал.

– Какой ты милый, – сказала она. – И я тебе нравлюсь. Я чувствую, уверена. Не обязательно восторгаться. Пусть поначалу тебе это просто нравится.

– Мне нравится, – сказал он. – У тебя такая красивая форма головы, и тебе очень идет.

– А виски тебе нравятся? – спросила она. – Это не подделка. Настоящая мальчишеская стрижка, и не в каком-то там салоне красоты.

– Кто тебя подстриг?

– Парикмахер в Эг-Морте. Тот, что неделю назад стриг тебя. Ты объяснил ему тогда, что ты хочешь, и я попросила подстричь меня точно так же. Он был очень мил и совсем не удивился. Его это нисколько не смутило. Он спросил: хочу ли я точно такую же прическу, как у тебя? И я ответила «да». Тебе это приятно, Дэвид?

– Да, – сказал он.

– Глупцам она покажется странной. Но мы должны быть выше этого. Мне нравится быть независимой.

– Мне тоже, – сказал он. – Сейчас и начнем.

Они сидели в кафе и смотрели, как отражается в воде заходящее солнце, как опускаются сумерки на городок, и пили *fine a l'eau*. Прохожие подходили к кафе поглазеть на нее, но в этом не было ничего оскорбительного. Они были единственными иностранцами в поселке, жили здесь уже почти три недели, и она была очень красивой и всем нравилась. К тому же сегодня он поймал огромную рыбину, а о таком событии в поселке обычно много судачили. Но и ее прическа вызвала немало толков. В этих краях добропорядочные женщины редко стриглись коротко, да и в самом Париже такая прическа была редкостью, считалась странной и могла вызвать как восторг, так и резкое осуждение. Короткая стрижка могла означать либо слишком многое, либо просто желание показать красивую головку.

На ужин они съели бифштекс с кровью, картофельное пюре, фасоль и еще салат, и она попросила тавельского.

– Отличное вино для влюбленных, – сказала она.

Он подумал, что ей всего двадцать один год и обычно она выглядела не старше своих лет, чем он очень гордился. Но в тот вечер она казалась взрослее. Очертания скул резко проступили на лице – раньше он этого не замечал, и, пожалуй, еще улыбка стала немного печальной.

В комнате было темно, и только с улицы проникал слабый свет. Подул бриз, и стало прохладно, но они откинули простыню.

– Дэйв, ты не против, если мы согрешим?

– Нет, девочка, – сказал он.

– Не называй меня девочкой.

– Там, где я обнимаю тебя, ты – девочка, – сказал он. Он крепко прижал ее

к себе и почувствовал, как груди напряглись и округлились под его пальцами.

– Это мое приданое, – сказала она. – Лучше вернемся к сюрпризу. Потрогай. Нет, оставь их. Они никуда не денутся. Погладь лицо и затылок. Вот так, хорошо... Пожалуйста, Дэвид, люби меня такой, какая я есть. Пожалуйста, пойми меня и люби.

Он закрыл глаза и почувствовал на себе ее стройное легкое тело и как прижались ее груди к его груди и ее губы к его губам. Он лежал, не двигаясь, прислушиваясь к ее желанию, и когда рука ее опустилась ниже и нерешительно коснулась его, он помог ей и, откинувшись на спину, снова лег неподвижно, ни о чем не думая, лишь ощущая на себе непривычную тяжесть ее тела.

– Правда, теперь не поймешь, кто из нас кто? – спросила она.

– Да.

– Ты становишься другим, – сказала она. – Да, да. Ты – совсем другой, ты – моя Кэтрин. Пожалуйста, стань моей Кэтрин, а я буду любить тебя.

– Кэтрин – это ты.

– Нет. Я – Питер. А ты – моя Кэтрин. Ты – моя прекрасная, любимая Кэтрин. Так хорошо, что ты стал другим. Спасибо тебе, Кэтрин, огромное спасибо. Ну, пожалуйста, пойми. Пойми и помоги. Я буду любить тебя вечно.

Потом они лежали, усталые и опустошенные. Они лежали в темноте бок о бок, касаясь друг друга, и ее голова покоилась у него на руке. Взошла луна, и в комнате стало немного светлее. Не поворачивая головы, она провела рукой по его груди и сказала:

– Ты не считаешь меня безнравственной?

– Конечно, нет. Но скажи, как давно ты это задумала?

– Не знаю. А в общем, давно. Ты – умница.

Он обнял женщину, крепко прижал к себе, ощутил грудью прикосновение ее дивной груди и поцеловал в губы. Он прижимал ее к себе все крепче и думал: «до свидания», еще раз «до свидания» и «прощай».

– Полежим тихонечко и помолчим, обнимемся и постараемся ни о чем не думать, – сказал он, а в душе добавил: «Прощай, Кэтрин, моя славная девочка, счастья тебе и прощай».

Глава вторая

Он встал, оглядел пляж, заткнул пробкой бутылочку с маслом, убрал ее в боковой карман рюкзака и пошел к морю, чувствуя, как с каждым шагом песок становится прохладнее. Он оглянулся на женщину, оставшуюся на покатом берегу. Она лежала на спине, закрыв глаза и вытянув руки вдоль тела, а за ней, выше по склону, громоздился брезентовый рюкзак и виднелись первые островки прибрежной травы. «Ей не следует так долго лежать на солнце», – подумал он. Потом подошел к морю, бросился плашмя в прозрачную холодную воду, вынырнул и поплыл на спине, глядя поверх равномерно бьющих по воде ног на удаляющийся берег.

Перевернувшись в воде, он нырнул до самого дна и дотронулся рукой до шершавого песка и жестких гребней песчаных борозд, вынырнул и медленно и равномерно поплыл кролем к берегу, стараясь выдерживать темп. Подойдя к женщине, он увидел, что она спит. Он пошарил рукой в рюкзаке, нашел часы и заметил время, когда ее нужно разбудить. Они прихватили с собой бутылку холодного белого вина, завернув ее в газету, и полотенца. Он откупорил бутылку, не вынимая ее из этого неуклюжего свертка, и сделал освежающий глоток. Потом сел на песок рядом с Кэтрин и стал смотреть на женщину и на море.

«Море всегда холоднее, чем кажется», – подумал он. По-настоящему, если не считать мелей, вода в море прогревалась только к середине лета. На этом пляже берег обрывался неожиданно, и вода была обжигающе холодной, пока тело не согревалось от движений. Он смотрел на море и на высокие облака и заметил, как далеко к западу ушли на промысел рыбацкие суденышки. Потом он снова посмотрел на женщину. Песок уже достаточно просох, и там, где он ступал, ветер осторожно поднимал песчинки в воздух.

Ночью он проснулся, ощутив прикосновение ее рук. Светила луна, и жена снова была во власти черной магии превращения, и, когда она заговорила с ним, он не сказал «нет», и на этот раз болезненное ощущение пронизало его тело, а когда все закончилось, они лежали в изнеможении, и только жена, содрогаясь всем телом, прошептала:

– Вот теперь мы согрешили. Теперь мы по-настоящему согрешили.

«Да, – подумал он, – теперь мы по-настоящему согрешили». Потом, когда она неожиданно уснула, словно уставшая маленькая девочка, и лежала подле него на боку и лунный свет падал на ее чудесную, непривычно подстриженную головку, он наклонился к ней и негромко произнес:

– Я с тобой. Не важно, что ты там еще надумала, я с тобой, и я люблю тебя.

Утром он очень хотел есть, но ждал, пока она проснется. Наконец он поцеловал ее, и она открыла глаза, улыбнулась, встала, сонная, умылась в большом тазу, села, опустив плечи, перед зеркалом, причесалась и хмуро взглянула на себя, а потом улыбнулась, коснулась кончиками пальцев щек и, надев полосатую блузу, поцеловала его. Она встала, касаясь грудью груди Дэвида, и сказала:

– Не бойся, Дэвид. Я снова твоя послушная девочка.

Но ему было чего опасаться. «Что будет дальше, – подумал он, – если уже теперь так быстро их охватило безрассудство? Что только не сгорит в таком костре? Мы были счастливы, уверен, она тоже. Впрочем, как знать? Да и не тебе судить об этом, коль скоро ты поддался ее капризу. Кто ты, чтобы мешать ей? Тебе повезло с женой, плохо лишь то, после чего остается горький осадок, а его нет. Во всяком случае, вино все лечит, только вот что ты будешь делать, когда уже и вино не поможет?»

Он достал из рюкзака бутылочку с маслом и слегка смазал ее подбородок, щеки и нос, потом нашел в рюкзаке голубой выцветший носовой платок с рисунком и прикрыл ей грудь.

– Пора просыпаться? – спросила она. – Я вижу такой чудесный сон.

– Досмотри, – сказал он.

– Спасибо.

Через несколько минут она глубоко вздохнула, тряхнула головой и села.

– Пойдем купаться, – сказала она.

Они вошли в воду вместе и заплыли далеко, веселясь и играя под водой, как дельфины. Вернувшись на берег, они растерли друг друга полотенцами, он протянул ей завернутую в газету все еще холодную бутылку вина, они сделали по глотку и рассмеялись.

– Хорошо просто пить, чтобы утолить жажду, – сказала она. – Ты действительно не против стать моим братом?

– Нет.

Он еще раз смазал маслом ее лоб, нос, щеки, подбородок и за ушами.

– Я хочу, чтобы загорело все лицо.

– Ты и так очень темный, братишка, – сказал он. – Даже не представляешь, какой ты темный.

– Хорошо, – сказала она. – Но я хочу быть еще темнее.

Они лежали на пляже на твердом, высохшем, но еще сохранившем после прилива прохладу песке. Молодой человек налил немного масла на ладонь, растер его по бедрам женщины, и, когда масло впиталось, кожа ее стала теплого цвета. Он растер маслом живот и грудь, и женщина сонно сказала:

– Так мы мало похожи на братьев. Да?

– Нет.

– Я очень стараюсь быть хорошей девочкой, – сказала она. – Нет, правда, милый, днем тебе нечего опасаться. Днем мы не позволим себе ничего из того, что бывает ночью.

В гостинице, пока она расписывалась за пухлую бандероль, куда вложили еще и письма из банка в Париже, почтальон потягивал вино. Он же принес и три письма, переадресованные банком для Дэвида. Это была первая почта с тех пор, как они сообщили в Париж адрес этой гостиницы для пересылки писем. Молодой человек дал почтальону пять франков и предложил выпить

с ним еще стаканчик у обитой цинком стойки бара. Женщина сняла с доски ключ и сказала:

– Я приведу себя в порядок и буду ждать тебя в кафе.

Допив свой стакан, он попрощался с почтальоном и пошел вдоль канала в сторону кафе. Приятно было посидеть в прохладе после того, как он шел с дальнего пляжа под палящим солнцем, да еще с непокрытой головой. Он заказал вермут с содовой, достал перочинный нож и вскрыл конверты. Все три письма были от издательства, и два из них были набиты вырезками из газет и гранками рекламных объявлений. Он посмотрел вырезки и стал читать длинное письмо. Оно было обнадеживающим и сдержанно-оптимистичным. Слишком рано было говорить, как разойдется книга, но, похоже, дела шли неплохо. Большинство рецензий были отличными. Конечно, попадались и плохие. Но этого следовало ожидать. В рецензиях были подчеркнуты фразы, которые издательство собиралось использовать в дальнейшей рекламе. Издатель сожалел, что не может сообщить большего о перспективах книги, потому что опасался прогнозов. Предсказывать – плохая примета. Главное, что критики встретили книгу как нельзя лучше. Рецензии и вправду превзошли все ожидания. Впрочем, он сам может прочесть вырезки. Первый тираж был пять тысяч экземпляров, но после таких отзывов решено было напечатать второй тираж. В последующих рекламных анонсах можно будет написать: «Читайте второе издание...» Издатель надеялся, что Дэвид счастлив и вдоволь наслаждается всеми прочими радостями. Он просил передать наилучшие пожелания жене.

Молодой человек одолжил у официанта карандаш и помножил два доллара пятьдесят центов на тысячу. Это было нетрудно. Десять процентов от этой суммы составляли двести пятьдесят долларов. Помножив двести пятьдесят на пять, он получил одну тысячу двести пятьдесят долларов. Семьсот пятьдесят долларов он получил как аванс. Значит, за первый тираж он получит еще пятьсот долларов.

Теперь второй тираж. Допустим, напечатают две тысячи. Ему причитается двенадцать с половиной процентов от пяти тысяч долларов. Кажется, таковы условия контракта. Значит, он получит шестьсот двадцать пять долларов. Но кажется, двенадцать с половиной процентов платят только с тиража в десять тысяч. Что ж, все равно он получит еще пятьсот долларов. Итого тысяча.

Он начал читать рецензии и вдруг обнаружил, что незаметно выпил весь вермут. Он заказал еще и вернул карандаш официанту. Он все еще продолжал читать, когда в кафе с большой пачкой писем вошла Кэтрин.

– Я и не знала, что прислали рецензии, – сказала она. – Покажи их мне. Пожалуйста.

Официант принес вермут и, ставя стакан, заметил у нее в руках газетную вырезку с фотографией.

– C'est Monsieur? [4](#) – спросил он.

– Да, – сказала она и протянула ему газету.

– Но одет совсем по-другому, – сказал официант. – Пишут о вашей свадьбе? Можно взглянуть на фото мадам?

– Нет, не о свадьбе. Рецензии на книгу месье.

– Замечательно, – сказал официант, на которого ее слова произвели большое впечатление. – Мадам тоже писательница?

– Нет, – сказала она, не отрывая глаз от статьи, мадам – домашняя хозяйка.

Официант недоверчиво засмеялся:

– Мадам, должно быть, киноактриса.

Они вместе прочли газетные вырезки, затем она отложила в сторону одну рецензию и сказала:

– Мне страшно от того, что тут пишут. Как мы можем оставаться такими, как мы есть, если ты таков, как здесь пишут?

– Я уже читал о себе подобное, – сказал молодой человек. – Поначалу это развращает, но ненадолго.

– Нет, это ужасно, – сказала она. – Они погубят тебя, если ты им поверишь. Уж не думаешь ли ты, что я вышла за тебя, потому что ты такой, как пишут в этих статьях?

– Нет. Дай мне прочесть рецензии, а потом мы снова запечатаем их в конверт.

– Конечно, ты должен их прочесть. Я не дуручка, что бы заводиться по пустякам. Но носить их с собой даже в конверте? Это все равно что держать при себе чью-то урну с прахом.

– Многие были бы счастливы прочесть такие слова о своих злополучных мужьях.

– Я – не многие, и ты – не злополучный муж. Давай не будем устраивать сцен.

– Не будем. Прочти и, если найдешь что-нибудь хорошее, дельное или новое о книге, расскажешь мне. Мы уже кое-что на ней заработали.

– Прекрасно. Я очень рада. Но мы и так знаем, что она хорошая. Даже если бы рецензии были отвратительными и книга не принесла нам ни единого цента, я все равно была бы горда и счастлива.

«А я нет», – подумал молодой человек. Но промолчал. Он продолжал читать рецензии, поочередно разворачивая вырезки, и снова прятал их в конверт. Женщина вскрывала свои письма и читала их без всякого интереса. Потом она отвернулась к морю. Лицо ее было темное, коричневатого-золотистого цвета, и она зачесала волосы назад так, как они легли после моря. Там, где ее подстригли совсем коротко, у висков, волосы выгорели и стали цвета белого золота, а смуглая кожа оттеняла их еще больше. Она смотрела на море, и глаза ее были грустными. Потом она снова стала распечатывать конверты. Одно длинное, отпечатанное на машинке письмо она прочла очень внимательно. Потом принялась за остальные. Молодой человек, взглянув на нее, подумал, что она вскрывала конверты так, точно лущила горох.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)